

Живет в Донецке (Украина). О себе: "16 лет. Член СП Москвы. Публикации в журналах: "Зинзивер", "Дети Ра", "Журнал ПОэтов", интернет-журнал молодых писателей России "Пролог", "Кольцо А", "Литературная газета", "Южное сияние"; сборниках: "Молодые голоса" (Москва, 2011), "Первый автограф" (СПб, 2011), "Пушкинская осень в Одессе 2011", "Каштановый дом" (Киев, 2011, 2012), антология "Поэзия третьего тысячелетия" (Германия, 2012)".

Умерла так умерла

Жили среди разбойников. Жалость теперь – зола.
Шили на вырост образы, жались под образа...
Жалости нет, любимый. Жалость давно умерла.
Я знаю – я видела. Сама ей закрыла глаза.

А как прошло дней девять – сватались женихи.
Пели свои частушки, читали чужие стихи.

Мне собирали приданое – целый сундук шелухи.
Спрятали шрамы под лентами, под пудрой – гнилые грехи.

Крестятся воры и шлюхи. Бог им давно послал.
Бьет сирота тревогу в мятый мусорный бак.
Видишь сорняк под забором? Так же и я росла.
Пыль поднимала свора лохматых бродячих собак,

мне они лизут ладони, тебе – прогрызут до кости.
«Слышали? Нет больше жалости! Нюрка теперь – одна».
Так я росла... и выросла. Некуда больше расти.
Мне остается падать, яме не вижу дна.

Тысячу две булавки сегодня воткнули в меня,
а свадьбу сыграем завтра – по нотам да по любви.
Платье пришлось не впору – принялись подгонять,
гадали мне на ромашках (но лепестки в крови).

Ах, сирота-сиротушка – ни жалости, ни отца,
ни колышка из осины, ни совести, ни двора.
И не отбросить саван, не отвернуть лица.
Прошное скроет фатою ноченька до утра.

И по делам воздастся – значит, тебя спасут.
Завтра меня под рученьки по полю поведут.

Ахиллесова девочка

Его сердце приковано кентервильской цепью – порт
верен ему. Взгляд его – сталь. Взгляд его пристален.
Трубач баюкает футляр на пристани, а он – насвистывает.
Его грубые губы обветрены. Он – отчалил, отчаялся, но пока фьорд
любит его, он уверен, упрям, уперт.

Горе било его под дых, горе целилось в солнечное сплетенье,
укрывали горы от грома, горы ночью скалились тиграми.
Игры с кинжалами остаются беззвучными играми, тихими играми.
Ахиллесова девочка, точка возврата, не ходи за ним тенью,
белой немой ускользящей тенью –

помни – солнце уходит вечером и забирает тени с собой.
Ахиллесова девочка, развяжи его сети и возвращайся к нему –
танцуй для него на песке under a violet moon.
Слушай дыхание ветра и зверя. Слушай морской прибой,
заплети в волосах венки – пламя и зверобой.

Трогай раны его языком, ахиллесова девочка, девочка-медь.
Расширяй зрачки его, не диктуй правил, не ставь границ,
уведи его из забытых снов, укради из пыльной клетки страниц.
Девочка-медь, люби его. Люби его, девочка-плеть,
он выпьет тебя до дна, не бойся дотла сгореть.

Только – не подавай виду,
что любишь ее...

Город

1.

Гаражи подслушивают. Гаражи разевают железные пасти,
их темнота и сырость, их одиночество хочет меня сожрать.
Я клянусь, скрестив за спиной пальцы, не красть и
не танцевать на лезвиях крыш и ночей. Мне наплевать
на законы, заборы, решетки –
цепью и клеткой, верой и правдой вам не удастся меня держать.

...Я боюсь черных птиц, отражений в воде. Я – ничей.
Его пальцы – сталь. Город стал мне мал,
он молчал и курил, когда я вырастал.
Он курил, а я клялся не вешать нос, не терять ключей.
"Отпусти" - прочти в тишине по губам. Господи, я устал.

Так пришел сентябрь. Я смотрел с моста, как гремит вокзал,
как уходят в прошлое поезда, как гудит земля, и по рельсам дрожь,
как деревья рвутся с корнями вдаль, и у боли были твои глаза,
обжигал мне кожу холодом нож.
Город молча курил, а в небе – луна и грош.

Я все клялся, что больше не буду врать, саксофон и ветер заменят мать,
и что буду кормить бродячих собак,
только стал я одной из них.
Только, Господи, я не знаю, как, но попал в этот город из пыльных книг,
этот город любит только табак, онемевший седой старик.

Я устал искать путь назад.
Я поклялся вернуться в срок, опоздал, а теперь, не зная дороги, хочу бежать.
Забери меня, Тень, и пришей к ногам. Я хочу опять перестать расти.
Отпусти меня, Господи. Отпусти!

2.

...Оставайся –
в этом городе ты никому не нужен.
Чай остыл, снег растаял, твой карточный дом разрушен.
Отражение тебя не узнало в витринах и в грязных лужах:
ты стареешь не изнутри –
ты стареешь (как все) снаружи.

- Меньше думай и больше ври, –
в унисон нараспев – поезд, литература, виски.
Перемешаны пазлы:
вчерашний сон,
нарисованный холм Капитолийский,
ее резкий смех и дрянной английский,
а на утро – похмелье, и такое низкое
небо – только
шагни
вперед...

Ты в ухмылке Джокера кривишь рот,
пароходы мира и моря отбой по тебе трубят,
ты играешь в покер, но карты играют – против тебя,
и там-там играет – в тебе, а она играет – тобой.
Ты устал жить на ощупь, словно слепой.

Оставайся.
Тебя разыграют в цирк, тебя разыграют в тир.
Развинтят, заново соберут. О дивный и новый мир
затянет на шее в петлю резиновый жгут.
Маски рыб, крокодилов и птиц
без сердец и без лиц
над тобою уже начинают суд.

[Страница автора в Сети](#)